

Таким ли он был?

Когда коренастый, широкоплечий человек с пронзительным взглядом темных глаз, одетый в командирскую флотскую форму, украшенную боевыми орденами, взяв слово — на собраниях писателей, на палубах военных кораблей, во флотских экипажах, на фронтовых митингах, — поднимался на трибуну, зал замирал: люди знали, что сейчас будут сказаны слова, затрагивающие самые жгучие вопросы нашей и международной жизни, проблемы творчества, слова, идущие от пылкого сердца, от широкого партийного мышления и глубокой, непоколебимой убежденности.

Оратор начинал говорить тихо, медленно, сквозь сжатые зубы, но постепенно, разгораясь, убыстрял свою речь, бурление мысли опережало слова, голос звучал все громче, темпераментнее, страстное выступление становилось необычайно яркой, патетической импровизацией.

Так всегда говорил замечательный, незабываемый писатель-боец, драматург, участник первой мировой войны, гражданской и Великой Отечественной. Есть деятели искусства, которые навсегда остаются в памяти всех, кто имел счастье общаться с ними, вместе работать и десятилетиями дружить. К таким замечательным людям принадлежал и Всеволод Вишневский.

И потому все, кто хорошо знал его, любил его творчество, восхищался его боевой биографией, отчаянной храбростью, широтой его гражданственно-партийного мышления, с нетерпением ждали показа на экранах телевизора фильма «Это в сердце было моим», посвященного Всеволоду Вишневскому.

К сожалению, фильм рассказывает об этом известном советском писателе крайне бегло и схематично.

Художник не может творить, живя вне общества, не общаясь с людьми, изолируясь от окружающей его среды — бойцов и командиров Совет-

ской Армии, представителей рабочего класса, соратников по искусству и литературе.

Всех этих существенных данных для характеристики образа писателя в упомянутом фильме нет.

Автор фильма не считал нужным хотя бы упомянуть о тех, с которыми был очень дружен многие годы Всеволод Витальевич: о прославленных полководцах — генералах Чуйкове и Оке Городовикове, о видном партийном деятеле Поспелове, глазом редакторе газеты «Правда», полярнике Папанине, писателях Павленко, Фадееве, Сельвинском, об авторе книги воспоминаний «Пятьдесят лет в строю» генерале Игнатьеве. Совсем не упомянуты выдающиеся мастера кино: Сергей Эйзенштейн, Александр Довженко, Григорий Рошаль, Вера Строева и одна из основоположниц документальной кинематографии Эсфирь Шуб. Со многими из них Вишневский был связан по работе над сценариями и по многолетней дружбе.

А ведь все эти художники были единомышленниками Вишневского, его соратниками в борьбе за то киноискусство, которое он так страстно отстаивал и утверждал. И, конечно же, без близкого общения и содружества с ними вряд ли могли осуществиться ценнейшие замыслы Всеволода Витальевича. Это его друзья являлись той средой большого художника, в которой он находил опору и поддержку новаторским творческим воззрениям, формированию своего пути в искусстве. Также ничего не сказано о драматурге А. Штейне, друге В. В. Вишневского, написавшем о нем пьесу «У времени в плену», с большим успехом идущую в ряде театров.

Сохранилось множество писем писателя. В них можно найти богатый материал — раз-

мышления с проблемах нашей жизни, о путях развития советского театра и кино, о событиях нескольких войн, о замыслах, в частности, о масштабном фильме про Москву.

Все это тоже не нашло места в фильме.

Широко известны пламенные радиовыступления Вишневского из блокадного Ленинграда. Их с волнением слушала вся страна. Эти речи писателя потрясали слушателей несомкнутой верой в конечную нашу победу над фашистскими захватчиками, вдохновляли воинов и граждан Советской страны на борьбу с фашизмом.

Выступления Всеволода Витальевича отличались необычайной темпераментностью, страстностью и вошли в историю героической обороны города Ленина. Манера речи Вишневского производила незабываемое, сильнейшее впечатление. В фильме же подлинные записи выступлений Вишневского читает диктор. Зачем надо было подменять голос Вишневского дикторским чтением — непостижимо! Ведь без огненного темперамента Всеволода Витальевича, без его редкого ораторского дарования то, что спокойно сообщает диктор, не создает той впечатляющей силы, которая была у Вишневского сокрушительной!

Я пишу эти строки по праву друга Вишневского, с которым мы были связаны по работе над фильмами «Мы из Kronштадта» и «Первая Конная». Я хорошо знал Всеволода Витальевича, был в курсе его жизни и творческих замыслов, поэтому грустно видеть, как в телевизионном фильме мало раскрыть его характер, убеждения, путь в искусстве.

Ефим ДЗИГАН,
народный артист СССР,
лауреат Государственной
премии СССР.

Соб. рукопись, 1979, 17 июля